

совершают микроскопические существа, образователи кораллов, а в глубине вулкан, извержение которого ожидается с минуты на минуту. Уже в первых сценах слышен глухой рокот небольших взрывов, но основной взрыв, извержение, случится лишь в шестой сцене, и небо zalьется кровью заката, и наступит молчание, и все ниже опустятся "пылающие леса заката".

Молчание. Вечер. Синяя тьма, но над тьмой небо еще багрово, раскалено, изрыто огненными ямами. В седьмой и восьмой сценах извержение прекратится, но время от времени ветер будет проносить по воздуху пепел и маленькие камни, которые никому ощутимого вреда не принесут.

Бабель блестяще владеет искусством драматургической реплики. В первой сцене Боярский, как паучок, вяжет и вяжет паутину слов, но следует стремительная, как укол шпаги, реплика Бени, и разодранная паутина уже несется в воздухе, никому не нужная.

Он пишет пьесу сценами, которые критики 1928 года упорно называют рассказами, а всю пьесу расширенным рассказом. Его драматическая сцена — это замкнутый в себе, законченный драматический процесс, и в то же время необходимая часть общего.

Много ли узнаем мы о главном герое пьесы из второй сцены? Нехам и Мендель в спальне. Разве что муж "связался с кацапами", пьет водку и матерится. Но уже здесь раздаются первые удары грома. Писатель вводит в ночную спальню к старикам старшего сына. Сталкиваются два Крика.

Но катастрофа еще впереди...

Одесские парижане в Рамат-Гане

В Музее русского искусства им. Цетлиных в Рамат-Гане состоялась открытие выставки произведений одесских художников-модернистов из Общества независимых, как они себя тогда, в начале прошлого века, называли. Все представленные работы — числом около 100 — из собрания известного деятеля сионистского движения, издателя, ученого, мецената Якова Перемена. Картины эти хранятся сегодня в семьях большого клана его наследников. В последний (до нынешней выставки) раз уникальное собрание в полном объеме можно было увидеть разве что в тельавивской квартире Якова Абрамовича при его жизни, оборвавшейся в 1960 году: там оно было широко доступно. И вот работы одесских "независимых" из наследия Перемена вновь воссоединены на стенах двух выставочных залов музея!

Выставке предшествовал кропотливый труд людей, которых я назвала бы наследниками Я. П. по духу. Отметим, что прошла она под патронажем мэра города г-на Цви Бара. Что народу на открытие собралось много, и под сводами музея иврит звучал вперемежку с русским. Среди выступивших были старшая дочь основателя коллекции Хава Чернов-Перемен, жена его внука Ница Дрори-Перемен — редактор научного журнала "Альпаим", а также заместитель посла Украины в Израиле г-н Анатолий Маринец... И, конечно же, Леся Войскун, куратор музея, хрупкая молодая женщина, которая стала душой и мотором многотрудного, многоходового и деликатного этого предприятия.

Нет, Леся не одесситка. Она выпускница Петербургской академии художеств. В Израиле 11 лет. В Одессу попала два года назад на международную конференцию славистов, скажем для краткости, "по Харджиеву", и не будем вдаваться в подробности того научного форума. Несколько слов о Николае Ивановиче Харджиеве, однако, скажем. Он, с начала 30-х собиратель "старых бумажек" и "нелепой мазни", этот Корейко русского авангарда, на протяжении всей жизни ведущий нищенское существование, в 93-м (в возрасте за 90) тайно вывез в Амстердам свою коллекцию и враз стал миллионером. Купил трехэтажный особняк, улегся на диван лицом к стене и не вставал до самой смерти, прибравшей его в 96-м. И весь мир заговорил о Харджиеве, о нем пишут, его изучают... Но почти никто, даже в родной нашей Одессе, уже не помнил пророка своего отечества — Якова Абрамовича Перемена, собиравшего еврейских новаторов (да, позволю

себе сказать так — ведь из всех художников, чьи работы он приобрел, не еврей был только Сигизмунд Олесевич). Так, Перемена на родине не помнили: ведь в 1919-м он уже вывез свое собрание в Палестину..

Доклад на "Харджиевском" форуме Леси Войскун стал настоящей сенсацией — по крайней мере, так восприняли одесситы ее сообщение о коллекции Перемена, выставленной сейчас в Музее им. Цетлиных, и о коллекционере Якове Абрамовиче Перемене. В Одессе время от времени ходили "слабенькие версии" насчет ранних работ Теофила Фраермана, Амшея Нюрнберга, Сандро Фазини (Александра Файнзильберга, родного брата Ильи Ильфа) и других "независимых", выпускников нашего художественного училища. По одной из версий работы эти должны быть где-то за рубежом, по другой — пропали на просторах Одной шестой во времена гражданской войны. Она же не только своими глазами видела эти картины, но и привезла с собой их репродукции, перевела на русский язык мемуары Перемена!

Я спросила у Леси, как она сама узнала об этой коллекции и ее собирателе? Оказывается, некий элемент случайности, часто сопутствующий открытию, в данном случае был закономерен. По прибытии в страну иврит ее состоял лишь из алфавита, однако трудолюбие и высокая взыскательность к себе свое дело сделали: она овладела языком Страны в относительно короткие сроки и на достойном уровне. Так что, увидев в 2000 году сборник "100 лет израильской культуры", вышедший на иврите, смогла его читать. Среди разных документов и снимков интерес вызвала фотография парохода "Руслан". Из подписи к ней Леся узнала, что в числе пассажиров судна прибыли тогда в Палестину будущие знаменитости еврейской страны: Иосиф Клаузнер, доктор философии, который стал профессором Иерусалимского университета (между прочим, дядя Амоса Оза), Иуда Магидович, ставший первым архитектором Тель-Авива, художники Ицхак Френкель, Ида и Йосеф Константиновские, поэтесса Рахель, танцовщик Барух Агадати и другие. Одним из организаторов репатриации на "Руслане" был Яков Перемен, который привез с собой из Одессы семью и 200 художественных произведений. "Что за работы и где они?!" — мелькнула у молодой репатриантки мысль. Потом были еще импульсы: вопрос студентки об одном одесском художнике, подсказка знакомого — мол, где-то здесь должна быть большая коллекция "русских картин". Ну, и начались поиски — в архивах, в семьях потомков Якова Абрамовича. Она атрибутировала картины, переводила мемуары коллекционера.

Ко времени поездки в Одессу Леся уже знала тему, как никто другой. Знакомство с Ольгой Барковской, сотрудницей Одесской научной библиотеки им. Горького, автором ряда интересных публикаций, дало ей возможность расширить круг исследований за счет "русской" составляющей темы. Например, архивные материалы из фондов Горьковки позволяют воссоздать культурную атмосферу в городе в десятых-двадцатых годах прошлого века. Так выяснилось, что молодые художники, чьи работы привез в Израиль Я. Перемен, были ядром группы "независимых", ставшей антиподом Товариществу южнорусских художников, ведущих свое начало от передвижников. Эти, новые, ориентировались на Париж, ездили туда учиться живописи, а некоторые там и остались. Их не случайно стали именовать "одесскими парижанами".

Леся Войскун отмечает, что во время подготовки выставки коллекции Перемена она работала в тесном сотрудничестве с одесскими исследователями Ольгой Барковской, Аленой Яворской, Сергеем Зеноновичем Лушиком, Виталием Абрамовым, Татьяной Щуровой, которые восстанавливают историю южнорусского литературно-художественного модернизма, прерванного в советское время. И особую благодарность она выражает Оле Барковской за ее щедрую и бескорыстную профессиональную помощь, без которой исследование одесского аспекта коллекции Перемена было бы невозможным.

Эпизод в тему. Один мой земляк, ныне израильтянин, выпускник того же одесского училища, явился на презентацию с альбомами любимых своих художников: Волокидина, Головки, Костанди... Он, отличный живописец, один из последних, быть может, последователей (да простится мне тавтология) традиций южнорусской художественной школы, стал посреди выставочного зала разворачивать передо мной те альбомы, призывая смотреть и сравнивать с выставленным модерном! И столько горького непонимания было в его голосе, столько скорби в глазах... Можно представить себе, что творилось тогда, в десятых-двадцатых в Одессе!

В одесской периодике, в те годы обширной, как никогда прежде и никогда после (разве что сейчас число журналов, газет, альманахов в моем городе резко выросло), часто встречались эти имена: Нюрнберг, Гершенфельд, Мексин, Малик, Олесевич, Фазини, Фраерман. Израильтяне же увидели их в каталоге Перемена, но так мало о них знали! Потомки Якова Абрамовича не владеют русским языком, а то, что он писал на иврите или писалось здесь о нем, долгие годы было недоступно русскоязычным исследователям. Публикаций о Я.А. Перемене и его коллекции на рус-

ском языке до последнего времени практически не было. И вот теперь стараниями Леси Войскун и ее коллег из Одессы связь времен на этом участке культуры восстановлена.

Я нашла в интернете научную статью Л. Войскун о Якове Перемене и сведения о его разносторонней деятельности почерпнула оттуда. Родился он в 1881 году в Житомире, в религиозной семье, воспитан был в еврейских традициях и даже получил диплом раввина. Переехав в Одессу в конце 90-х, сразу окунулся в бурную среду еврейской молодежи, наверстывающей недополученные предыдущими поколениями знания, приобщаясь к культурным ценностям европейского по духу города. Из его воспоминаний: "...в течение 1899-1900 гг. посвящал несколько дней в неделю самоусовершенствованию в науках: истории, философии и социологии".

Молодой провинциал из Житомира серьезно увлекся также политикой и вскоре стал председателем ЦК одесской радикал-социалистической рабочей партии "Поалей Цион". Декларацию партии с ее девизом "Единая нация, единая страна, единый язык" он озвучил, выражаясь нынешним сленгом, на Седьмом сионистском съезде в Петрограде. Яков Перемен принял самое активное участие в организации в городе "Хаганы" — еврейской самообороны, что на тот момент было весьма актуальным. Свою подпольную кличку — Атид, что на иврите означает "Будущее", — он передал потом родившейся в Израиле младшей дочери: назовет ее Атидой.

Книжная лавка "Культура" (она же — и библиотека), которую Перемен открыл на Преображенской, 41, сразу стала центром встреч и собраний городской еврейской интеллигенции. Ее посещали известные литераторы — Равницкий, Бялик, Менделе Мойхер-Сфорим. Забегали также студенты помещавшегося на той же улице художественного училища, в их числе и "независимые". В мемуарах Яков Абрамович вспоминает, как собрал круг молодых поэтов новой волны во главе с Багрицким. Поэты, правда, недолго держались круга, а вот с художниками связь не прерывалась до самого его отъезда на историческую родину.

И ежегодно при спонсорской, как теперь бы сказали, помощи Перемена устраивались в городе выставки. Художественные устремления этих талантливых молодых людей, как отмечалось в одной из рецензий на Осеннюю выставку 1917 года, были разнообразны. Их увлекали все новаторские течения французского и русского искусства. Эту "разновидность", разнонаправленность одесских модернистов, не мешавшую им, однако, держаться вместе, а самым молодым из них, Олесевичу и Фазини, даже дружить, мы могли видеть на выставке.

Уезжая в Палестину в составе Третьей алии, Яков Перемен вывозил свою коллекцию картин и рисунков не просто как часть личного имущества — он собирал ее именно для Эрец-Исраэль! В 1918 году в Одессе делаются попытки создать некую лигу, которая бы объединила еврейских художников. Целью ее полагалось развитие пластических искусств в Палестине, которой предстояло стать, по убеждению сионистов, духовным центром еврейской нации. Был подготовлен и манифест Лиги — на русском языке, но свет он увидел лишь в Эрец-Исраэль, на иврите — в 1921 году в каталоге выставки первой Постоянной палестинской художественной галереи, зал для которой арендовал сам Перемен. Л. Войскун, нашедшая русский оригинал манифеста Лиги в семейном архиве Переменов, впервые его сейчас опубликовала.

Но еще до организации собственной галереи, в дни Песаха 1920 года, Яков Абрамович выставил свое собрание в гимназии "Герцлия", где учились его сыновья Нахман и Натан. И это была первая художественная экспозиция в первом еврейском городе — Тель-Авиве, отмечает в своем исследовании Л. Войскун. Однако для еврейского ишува, впервые увидевшего образцы нового искусства в работах одесских модернистов, выставка оказалась слишком радикальной, здесь не готовы были к ее восприятию. Да и постоянная экспозиция, где Перемен поместил наряду с картинами одесситов произведения преподавателей иерусалимской академии "Бецалель" во главе с Борисом Шацем, долго не продержалась: в конце 22-го года галерею пришлось закрыть. Яков Абрамович с горечью признает в своих воспоминаниях, что общее отношение к его галерее было равнодушным.

Но не ею единой жил этот оле, просветитель и меценат. Он открывает библиотеку, где, в частности, были книги по искусству на пяти языках, и она вскоре становится интеллектуальным центром Тель-Авива. Он скупает земли у арабов из соображений места для будущих репатриантов — и сегодня в районе старой таханы-мерказит нашего "города без перерыва", на углу улиц Левински и Гдуд ха-иври можно увидеть табличку: "Яков Перемен, основатель квартала Неве-Шаанан". И наконец, берется за дело, о котором мечтал с юности: изучение ассирийской клинописи. Он издает "Басни Ассирии и Вавилона" и даже составляет ассирийско-ивритский словарь, который остался в рукописи и хранится в архиве у дочери...

Более поздние попытки вновь выставить "одесских парижан" Якову Абрамовичу также не удаются. На обращение мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа передать коллекцию в открывшийся в 1932 году городской музей

он, подаривший университету свою уникальную (20 тысяч томов!) научную библиотеку, ответил отказом: опасался, что она может быть разрознена. Вот и держал уникальное собрание картин при себе, предоставляя каждому возможность их увидеть. Но жизнь есть жизнь, и с годами коллекция дробилась, переселяясь в дома наследников собирателя. К их чести надо сказать, оставалась она все же в пределах клана. Потомки как бы продолжают принцип Якова Перемена: работы им собирались не для продажи, а для "удовольствия и образования публики".

Итак, выставка "Одесские парижане" в Рамат-Гане. Как театр с вешалки, она началась с пригласительного билета, на обороте которого с одной стороны — репродукция "Испанской танцовщицы" Сандро Фазини, с другой — анонс из газеты "Ха-Арец" о первом в Палестине показе коллекции Перемена в апреле 1920-го. Приступая к обозрению экспозиции, сразу отмечаешь высокий профессиональный уровень ее устроителей, их заботу о зрителе. Тебе лично хотят достойно показать каждую выставленную работу, рассказать о ней и о ее авторе, насколько позволяет настенная аннотация к разделу и табличка к картине.

Первым делом остановишься у большого шаржированного портрета Якова Перемена (гуашь, белила, бумага). По белому полю шуточные надписи: "Музей Я. Перемена", "Перемены в живописи. Продано". Он вспоминал: "...художники решили преподнести мне оригинальный подарок на память: написали мой портрет в форме шаржа, который отмечал мою преданность искусству. Картину сделали по этюду-экспромту Амшея Нюренберга в совместной работе всех художников, которые участвовали в вечеринке, около двадцати человек. Работа была закончена с быстротой молнии, и она сохранилась в моей коллекции до сегодняшнего дня".

В этой статье нет возможности рассказать о каждом из тех, кто был представлен на выставке "одесских парижан". Но о тех, чьи имена были на слуху в мое одесское время, как не сказать?

Амшей Нюренберг, уроженец Елисаветграда (Кировограда), шесть лет учился в Одессе, а затем продолжил учебу в Париже, где делил мастерскую с Шагалом. Он входил в четверку основателей "Окон РОСТА" под руководством Маяковского, читал лекции во ВХУТЕМАСе, написал монографию о Сезанне. С молодым Нюренбергом дружил молодой Перемен, называя его "братом и членом семьи". Дружил с ним, уже пожилым и маститым советским художником, молодой Юрий Трифонов, для которого Амшей Маркович был действительно членом семьи — тестем. Можно согласиться с теми, кто считает Нюренберга советского периода менее

интересным, чем ранний, — мы же знаем стандарты и регламенты той жизни. Но я не позволю себе рассуждений в сослагательном наклонении: мол, останься этот человек в Париже, творческая судьба его сложилась бы иначе. Не могу, зная судьбу другого художника из этого круга — Сандро Фазини...

Александр был старшим из четырех братьев Файнзилберг. Родился в Киеве, но родиной всегда считал Одессу, где жил в юности. Окончил то же художественное училище, что и остальные "независимые". Он был отличным рисовальщиком, но и кистью живописца владел отменно, а в Париже, куда эмигрировал в 22-м году, увлекся еще и художественной фотографией. Фотоаппарат, кстати, подарил ему брат — Илья Ильф. Псевдонимы себе братья выкраивали из собственных имен и родовой фамилии: Александр — "с итальянским акцентом": Сандро Фазини, следующий — Михаил, также отличный художник, подписывал свои работы инициалами: МАФ. Ну, а Илья выбрал акцент еврейский, прибавив к имени начальную букву фамилии. И только младший, Вениамин, ставший топографом, псевдонима не имел. Жизнь Фазини и его жены Азы трагически оборвалась в июле 42-го: они были арестованы в Париже, отправлены в лагерь Дранси, и вскоре погибли в Освенциме.

Несколько рисунков Фазини из коллекции Перемена помещены вместе с его художественными фотографиями парижского периода начала 30-х годов и портретами из семейных альбомов, любезно предоставленными Александрой Ильиничной Ильф, дочерью писателя. Как рассказывает Леся Войскун, снимки доставили из Москвы при содействии работников тамошнего израильского посольства и нашего Минюста.

В какой-то момент мой взгляд выделил в наполненном зале знакомое лицо молодого человека: журналиста Ильи Кричевского. Он — внук Ильи Ильфа, живет в Израиле и сотрудничает с русскоязычной прессой. Так совпало, что оба Ильи — дед на портрете и внук вживе — оказались для меня в одном ракурсе, и проявилось их явное сходство: та же рельефная лепка губ, характерные надбровные дуги...

Более других известен был современной мне Одессе Теофил Борисович Фраерман. Он преподавал в училище, которое сам закончил до первой мировой войны, и его школу прошли многие одесские художники, в том числе Дина Михайловна Фрумина, которая называла его своим первым учителем, любимец города Олег Соколов и другие. Т. Ф. называли "парижанином": уехав по окончании училища, как было принято у художников того времени, в Париж, он, сын состоятельных родителей, открыл

вроде бы там свой салон и сдружился с Матиссом, которого высоко ценили наши "независимые", вместе с ним выставлялся. К началу "океанных дней" телеграмма о болезни матери побудила его срочно, налегке выехать в Одессу. Вернуться в Париж Теофилу Фраерману уже не удалось. Как пишет в своих воспоминаниях художник В. Поляков, "начав жизнь заново, он развил бурную деятельность реформаторского толка: пополнял музейные фонды, преподавал, создавал системы и тут же разрушал их, выступал на собраниях, ругался, острил. Человек живого ума, элегантною внешности, насвистывая, входил он с тросточкой в класс и весело, как бы между прочим, вел разговор о живописи".

...Нет, живописать словами работы "одесских парижан", а тем более давать им оценки я не собираюсь. Выставка в Музее русского искусства им. Цетлиных открыта — смотрите.

"Но мысленно на юбилее..."

На прошедшем юбилее одного из самых тонких, самых талантливых одесских художников, уже более тридцати лет живущего в прекрасном далеке — в городе Нью-Йорке — Ильи Шенкера. Недавно ему исполнилось 85!

Для меня это двойной юбилей — ровно полвека тому назад судьба подарила мне знакомство с замечательной парой — Илей Шенкером и его женой Ларисой.

Нет, полвека назад все было иначе. После школы я начала работать в Гипрограде, где и познакомилась с Лялей Швальбиной, молоденькой прелестной женщиной с поблескивавшими серебряными нитями ранней седины в густой шапке темных волос, переживавшей как раз в это время, очевидно, свой первый творческий успех — на Всесоюзном конкурсе архитекторов Ляля получила высокое признание, что у многочисленных друзей Ляли вызвало радость и до боли в скулах — зависть и раздражение у недоброжелателей. Может быть, Ляля тогда в первый, но не в последний, думаю, раз встретилась и с радостью, и с завистью ее окружающих. (Помню, друзья Ляли удивлялись, как это она не забыла денежную премию конкурса где-нибудь на стуле, на чертежной доске. Тогдашняя привычка Ляли оставлять кошелек, ключи и подобные "мелочи" в самых неожиданных местах вошла у ее коллег в поговорку.)

Родители меня всегда учили, что к старшим нужно обращаться по имени-отчеству. И хоть я только окончила школу, а Ляля недавно институт, я, помня родительские наставления, стала (по-моему, единственная в Гипрограде!) обращаться к ней по имени-отчеству: Лариса Иосифовна. Ляля меня высмеяла, и с тех пор, хоть давно она известна под "взрослым" именем — Лариса Шенкер, для меня она остается — да простится мне эта слабость! — Лялей Швальбиной тех далеких лет.

Правда, вспоминается, что задолго до знакомства с Лялей я слышала от моей мамы с благодарностью произносимое имя "доктор Уланицкая". Потом и сама за какой-то справкой оказалась в районной поликлинике, в районе Вознесенского переулка, и после суতোлки коридора попала в кабинет к доктору Уланицкой, очаровавшей меня и благородной внешностью, и внимательным участием, и безукоризненной интеллигентностью. Я поняла свою маму.

Доктор Уланицкая была мамой Ляли Швальбиной.

Я вспоминаю Гипроград тех лет и многих-многих работавших там лю-